

Информационный подход в библиотековедении: состояние и перспективы развития

Представлен анализ развития информационного подхода и его терминологии в библиотековедении. Проанализирована история оформления социальной информатики в работах ленинградских ученых под руководством А. В. Соколова и причины отказа от ее развития. Раскрыта ошибочность предложения Ю. Н. Столярова об отказе от использования информационной терминологии в библиотековедении в пользу документологии и его терминологии. Обоснована перспективность развития библиотечно-библиографической социальной информатики как сегмента социальной информатики, обеспечивающей эффективное использование информационного подхода и его терминологии в библиотечно-библиографических изысканиях.

Ключевые слова: информация, информационный подход, методология библиотековедения

DOI: 10.36535/0548-0019-2022-06-2

ВВЕДЕНИЕ

Информационный подход выступает одним из самых распространенных научных подходов в библиотековедении. Несмотря на то, что его применение насчитывает более пятидесяти лет, до сих пор в научном сообществе «тлеет» дискуссия о применимости информационного подхода и его терминологии в библиотечной науке. Наиболее последовательным критиком этого подхода в библиотековедении выступает известный отечественный ученый Ю. Н. Столяров. В своей статье от 2021 г. он призвал при создании библиотечной терминологии к соблюдению языковых норм, которые, по его мнению, нарушаются использованием информационных терминов [1]. Вся современная библиотечная терминология последних двадцати лет, декларирует он, насквозь пропитана всевозможными дезориентирующими информационными терминами. Столь категоричное заявление обусловило наше желание попытаться прояснить ситуацию с информационным подходом и его терминологией в библиотековедении.

Начнем с констатации того, что представление об информационной функции библиотек берет свое начало еще с конца 1920-х гг., когда выделяется информационное обслуживание научных и специальных библиотек [2], которое трактовалось как информирование ученых и специалистов о новинках литературы, либо о каких-либо достижениях науки и техники. Оформление этого вида обслуживания как функции отражено в работах Д. Д. Иванова и Ю. В. Григорьева [3, с. 32-33]. Таким образом, информационная деятельность и вытекающая из нее функция выступают в качестве одного из видов библиотечного обслуживания, что позволяет нам рассматривать эту деятельность в данном контексте в качестве прикладной.

РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОДХОДА В БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИИ

Начало развитию информационного подхода в библиотечно-библиографической науке положили специалисты кафедры научной информатики Ленинградского государственного института культуры им. Н.К. Крупской (далее ЛГИК), когда во второй половине 1960-х гг. ими был разработан учебный курс «Научная информация». Авторами этого курса стали А.В. Соколов и А.И. Манкевич (1918–1977), которые считали, что вузы, готовящие библиотекарей и библиографов, должны дать своим выпускникам такой комплекс знаний и навыков, привить такой образ мышления, что позволит им стать активными помощниками ученых и специалистов в их научной и творческой деятельности [4, с. 13]. Для достижения заявленной цели авторы предложили учебный курс «Научная информация», прослушав который библиотекари должны получить достаточно полноценное представление об информатике, о сущности информационных процессов, об их организации и методике информационной работы. Было рекомендовано, чтобы данный курс читался информационными специалистами. Однако достаточно скоро авторам учебного курса по научной информации, по-видимому, стало тесно в границах учебной дисциплины, и они решили перехватить инициативу в плане научных изысканий.

В научный коллектив, лидером которого стал Аркадий Васильевич Соколов, были включены А.И. Манкевич и Т.Н. Колтыпина. В одной из первых программных статей по данной проблеме было сформулировано оригинальное видение социальной информатики, под которой предложено понимать информацию, выраженную знаковой системой, понятной членам обще-

ства, и способной изменять уровень их знаний о внешнем мире [5, с. 6]. В качестве признаков социальной информации были обозначены осмысленность, понятность и новизна. Социальную информацию автор подразделяет на массовую, предназначенную всем членам общества, и специальную, адресованную специальным группам. В этой же статье было высказано предложение о развитии информатики как науки социально-коммуникационного цикла, с целью приблизить информатику к нуждам библиотек и служб библиографии. Система научных коммуникаций, заявляет А.В. Соколов [5], рассматриваемая как предмет информатики, неразрывно связана с другими системами специальных и массовых коммуникаций и является подсистемой общей информационной системы общества. Изучение одной из подсистем социальных коммуникаций в отрыве от других, автор статьи считает, методологически несостоятельным [5, с. 9]. В другой публикации, посвященной взаимосвязи информатики и библиотечно-библиографических дисциплин авторы отмечали, что «сейчас мы являемся свидетелями того, как информационные идеи [...] активно ассимилируются библиотековедением и библиографоведением. Более того, дальнейшее развитие библиотечно-библиографических дисциплин невозможно без учета и использования достижений информатики» [6, с. 34], и прогнозировали перерастание научной информатики в более широкую по своему предмету и задачам «Социальную информатику», которая мыслилась как обобщающая наука. К частным наукам ими был отнесен целый ряд дисциплин, включая библиотековедение, научную информатику, библиографоведение, теорию массовой коммуникации, которые, по их мнению, страдают от недостаточно разработанной теоретико-методологической основы. Эту функцию на себя должна была взять «Социальная информатика». Прогнозируя её развитие как обобщающей науки, авторы данной концепции формулируют оригинальное методологическое обоснование. Важно отметить, заявляют они, что предлагаемая концепция соотношения информатики и библиотечно-библиографических дисциплин типа «обобщающая наука – частные науки» в принципе отличается от концепций, изложенных в соответствующих публикациях. Она не означает ни слияния, ни автономии указанных дисциплин. Обобщающая наука, по их мнению, черпает из частных наук идеи и факты, необходимые для выработки обобщающих концепций, а частные науки используют эти концепции для развития своего теоретического аппарата. Если мы являемся свидетелями параллельного исследования научных проблем в области научной информатики, библиотековедения и библиографии, то в дальнейшем положение должно измениться. Вместо пересечения предметов изучения информатики и библиотечно-библиографических дисциплин мы будем иметь иерархическое отношение между ними [6, с. 36].

Однако с критикой прогноза перерастания научной информатики в социальную выступили ученые ВИНТИ, которые свою коллективную монографию начали с уточнения того, что социальная информатика возникла в процессе поисков места информатики в

ряду учебных дисциплин институтов культуры и что она практически удобна при изложении некоторых общих проблем в профилирующих учебных предметах этих вузов [7, с. 398]. Иными словами социальная информатика формируется преимущественно как учебная, а не научная дисциплина. В качестве позитивного аспекта авторы [7] отметили, что социальная информатика поднимает престиж информатики, однако ее концепция и основанный на ней прогноз развития наук о коммуникации опираются на ошибочные теоретические предпосылки, в связи с чем и являются неверными. Основная теоретическая ошибка сторонников социальной информатики, по мнению ученых из ВИНТИ, заключается в предположении о том, что система наук коммуникационного цикла может и должна быть построена в соответствии с иерархией изучаемых этими науками объектов, т.е. различных видов информации. Эти представления исходят из библиотечно-библиографических классификационных практик, опирающихся на иерархические принципы «сильной иерархии», когда каждый подкласс имеет один и только один непосредственно предшествующий ему и включающий его класс. Такую иерархию применяют для распределения документов по областям знания путем линейного расположения книг на полках и карточек в каталогах и картотеках. В реальности, полагают ученые ВИНТИ, процессы дифференциации и интеграции в науке обычно не ведут к отношениям сильной иерархии между науками. Особенно это относится к наукам об информации и коммуникации, так как пока и сами объекты их изучения (различные виды информации) не имеют достаточно четкой классификации и не находятся между собой в отношении сильной иерархии [7, с. 399]. Однако коллектив кафедры информатики ЛГИК в основном проигнорировал данные замечания.

После ухода из жизни А.И. Манкевича А.В. Соколов стал выступать самостоятельным разработчиком концепции социальной информатики как обобщающей научной дисциплины. В 1980-х гг. им были разработаны контуры концепции социальной информатики как учебной и научной дисциплины. Так, он предложил под социальной информатикой понимать научную дисциплину, изучающую посредством информационного подхода общественное знание, социальную коммуникацию и управление обществом, а в качестве основного метода и принципа отграничения социальной информатики от социологических, культурологических, культуроведческих, семиотических, педагогических, филологических и других дисциплин, объектом которых также являются познавательные, коммуникативные и управленческие процессы в обществе, – рассматривать информационный подход [8]. Основу социальной информатики, по мнению А.В. Соколова, должна составить обобщающая теория (метатеория) социальной информации, в рамках которой социальная информация выступает базовой категорией. Эта теория должна была обеспечить единство библиотечно-библиографической науки и книговедения, а также способствовать раскрытию их общих фундаментальных принципов и закономерностей.

Библиотечно-библиографическое сообщество по-разному отнеслось к теории социальной информации, разрабатываемой А.В. Соколовым. Среди библиографов она была поддержана О.П. Коршуновым. Трактовка социальной информации была положена в основу его понимания документа и библиографической информации, а функционирование документов в обществе было определено как единство покоя (хранения) и движения (распространения и использования) той социальной информации, которая опосредуется через систему документальных коммуникаций [9, с. 15]. Конструкция документографической теории библиографии О.П. Коршунова основывалась на концепции социальной информации. В 1990-х гг. предложенную А. В. Соколовым трактовку социальной информации О. П. Коршунов охарактеризовал как наиболее приемлемое и продуктивное для библиографической науки и практики онтологическое определение [10, с. 4].

Но были и другие точки зрения. Одним из первых выступил Г.П. Фонов (1915–2006) [11]. Он подверг критике следующие аспекты: 1) сведение библиотечной деятельности исключительно к предоставлению информации; 2) идею включения библиотековедения как частной дисциплины в состав обобщающей социальной информатики; 3) претензии авторов концепции социальной информатики на ведущую теоретико-методологическую роль по отношению к библиотековедению; 4) приуменьшение роли библиотек и преувеличение роли информационных органов; 5) упрощенное рассмотрение сложных общественно-культурных фактов и научных явлений прошлого, игнорирование их особенностей и одностороннюю их трактовку.

С более жесткой критикой концепции социальной информатики выступила библиограф Э.К. Беспалова (1930–2007). Методологической особенностью социальной информатики, по ее наблюдению, стало то обстоятельство, что она развивает свое содержание не изучением объекта (предмета) реальной действительности, а кумулируя достижения частных наук, причем присваивая себе функции отбора, оценки и передачи этих достижений. Есть ли у социальной информатики критерий практики, который бы позволил бы ей проводить отбор и оценку? Или таким критерием является интуиция, или какие-то конъюнктурные соображения? Ответов на эти вопросы нет, поэтому, по мнению Э.К. Беспаловой, – это главный дефект концепции социальной информатики, ибо она оторвана от практики [12, с. 249]. Подводя итоги десятилетия развития социальной информатики в 1983 г., Эмилия Константиновна с сожалением констатирует, что вся история социальной информатики – это история пропаганды идеи необходимости такой концепции, попытка создать теорию путем анализа общих вопросов трех научных дисциплин (информатики, библиотековедения и библиографоведения – прим. *Е.П.*), обильного цитирования и самоцитирования, саморекламы и самозащиты часто от мнимых нападения. Допускались, продолжает она, некорректные трактовки и прямые искажения чужих взглядов, надуманная методология, расширительные формулировки. Основным способом получения «со-

держания» социальной информатики стал сравнительно-спекулятивный анализ публикаций, из которых якобы выводится позитивное знание. В итоге она приходит к заключению, что социальная информатика – это не более чем схоластика [12, с. 263].

Следует отметить, что начиная с тех же 1970-х гг. понятие социальной информации разрабатывалось в рамках теоретической информатики в контексте связи с социальным управлением и его информатизацией [13, 14]. Постепенно эти исследования стали приобретать концептуальные черты и оформляться в виде научного направления, именуемого также, т. е. социальной информатикой. Длительное время оба направления развивались автономно и только в 1990-х гг. на страницах научной печати развернулась дискуссия о концепции социальной информатики и перспективах ее развития [15]. Ученым из ЛГИК было указано, что проблемы социальной информации уже исследуются в рамках социальной информатики, что в ряде вузов созданы одноименные кафедры, разрабатывающие проблемы информатизации и компьютеризации общества. Таким образом, социальная информатика занимается вопросами широкого взаимодействия общества и информации, включая информационную науку и технику. Руководителем данного направления выступил известный советский философ, разработчик атрибутивного подхода в трактовке информации А.Д. Урсул [16, 17]. При этом идея создания социальной информатики как обобщающей метанауки об информации им была категорично отвергнута. Жесткая реакция со стороны А.В. Соколова не заставила себя долго ждать. В 1990-м г. он публикует статью, в которой выступает с резкой критикой атрибутивного подхода [18]. Информатика, заявляет он, это абстрактное понятие, формируемое информационным подходом к отражательным и организационным явлениям. Поэтому информационный подход первичен, а информация вторична [18, с. 21–22]. Иными словами информации в онтологическом плане не существует, и мы имеем дело с базовым функциональным понятием информационного подхода, содержание и объем которого переменны и зависят от изучаемых отражательных или организационных явлений. Что касается поддерживаемого А. В. Соколовым информационного подхода, то метафорично он называет его «информационными очками», позволяющими представить мир в «информационном свете». Позднее, иллюстрируя данную метафору, А. В. Соколов пишет: «Исследователь сначала принимает решение использовать информационный подход (надеть «информационные очки»), затем обращает свой взор на изучаемую реальность и, наконец, обнаруживает (или не обнаруживает) в этой реальности то, что соответствует его представлениям об информации» [19, с. 6]. Истоки этого взгляда можно проследить в работах Д.И. Блюменау (1926–2012). В конце 1980-х гг. он публикует работу, в которой высказывает гипотезу о том, что: 1) в действительности информация как явление материального мира или функция высокоорганизованных систем это, по-видимому, нонсенс; 2) как познавательный инструмент и продукт сознания информация это вполне реальная субстанция; 3) пер-

вичным выступает информационный подход, как одно из средств познания мира, а информация выступает в качестве базового понятия этого подхода [20, с. 17–18]. Развивая эти положения далее, Д.И. Блюменау снижает категоричность своей гипотезы, отмечая, что информация в строгом смысле это знание, включенное в коммуникационный процесс [20, с. 28]. В его понимании знания – это воспринимаемые нашим органами чувств импульсы, декодируемые нашим сознанием как знание или шум. Комментируя эту позицию, отметим, что самого знания в том смысле, в каком это предьявляется к информации как к некой реальности, относительно которой можно было бы сказать, что вот оно, отличное от отражения, сигнала, кода, сообщения и т.д., тоже не существует. Это, во-первых. Во-вторых, понимание знания в трактовке Д.И. Блюменау, противоречит его общепринятому пониманию как проверенного общественно-исторической практикой и удостоверенного логикой результата процесса познания процессов действительности, адекватного его отражения в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Таким образом, информация и знания – это понятия из различных областей знания, и более того импульс или сигнал не могут содержать знание, поскольку последнее есть результат познания. Как мы видим, Д.И. Блюменау придавал своему далеко не бесспорному высказыванию статус гипотезы и одного из взглядов на природу информации, тогда как А.В. Соколов своему видению – статус научного факта.

В 1990 г. А.Д. Урсул подготовил учебное пособие, посвященное социальной информатике [21], тем самым закрепив собственное понимание содержания данной дисциплины. В изменившейся ситуации А.В. Соколов развернулся в направлении культурологии и разработки неинформационной теории социальных коммуникаций. Комментируя идею А.В. Соколова о том, что информация это чисто гносеологическая категория, не существующая в реальном мире, отметим, что никто и ничто не мешает мирному сосуществованию онтологических и гносеологических понятий, поскольку гносеологические понятия создаются для познания окружающего мира. Если в познании каких-либо явлений можно использовать представления, разработанные в рамках гносеологических исследований, то это не означает, что явление или объект реального мира перестает существовать. Что касается социальной информатики, то ее разработку продолжил К.К. Колин, который предложил считать А.Д. Урсула родоначальником данного научного направления, а саму социальную информатику связал с информатизацией современного общества, с ориентацией на комплексное изучение проблемы «информатика – общество» [22].

Резюмируя, можно отметить, что до тех пор, пока складывалась благоприятная конъюнктура, А.В. Соколов развивал социальную информатику и информационный подход, а как только его концепция была подвергнута критике, он моментально меняет свое отношение к информации и информационному подходу. Но вот конъюнктура меняется и почему бы вновь не вернуться к информации и информационному подходу? Перед нами легкие сожаления о необ-

думанном разрыве в начале 1990-х гг. с информатикой. Комментируя этот разрыв, А.В. Соколов в 2010 г. замечает, что тогда не было оснований для конкуренции между двумя социальными информатиками¹, ибо их объекты, предметы, методология и научно-познавательные цели различны и почти не пересекаются и, жаль, что А.Д. Урсул не был знаком с разработками ленинградских информатиков [23, с. 109].

Непосредственное использование информационного подхода в библиотековедении и библиографоведении начало складываться в 1960–х гг. В основе лежали представления об информационном характере библиотечной и библиографической деятельности. Под влиянием документации и социальной информатики акцент стал смещаться от книги сначала к документу, а потом к информации. При этом библиотеки начинают рассматриваться в качестве информационных посредников между производителями (книжным делом) и потребителями информации [24]. В совместном учебном пособии известные отечественные библиотековеды В.В. Скворцов (1939–2005) и Н.И. Карташов (1928–2011) охарактеризовали библиотеку как «специальное учреждение, осуществляющее индивидуальное по форме организации обеспечение общественных потребностей в информации, сосредоточенной в ее фонде публикаций (библиотечном фонде) и в юридическом смысле как информационное, культурное и образовательное учреждение» [24, с. 7]. Это собственно библиотековедческая трактовка информационной функции, связанная с представлением библиотеками информации.

В 1990-х гг. В.В. Скворцовым были сформулированы основные контуры информационной концепции библиотековедения [25]. По его мнению, эволюция библиотечной науки включает три последовательно сменяющих друг друга этапа: формально-технический, документный и информационный. В основе данной концепции лежал тезис о том, что читатель «потребляет» в библиотеке не документ в целом, т.е. носитель и информацию, а только одну его составляющую – информацию. Допустить противоположное, по его мнению, значит, образно говоря, заставить читателя «съесть суп вместе с тарелкой». Исходя из этого, ученый полагает, что документная (документалистская, документологическая) концепция представляет собой явленческую, которая не только не раскрывает, но даже затушевывает существо главного социального процесса, протекающего в библиотеке [25, с. 201]. Из данного высказывания видно, что информационная концепция строится на противопоставлении информации ее носителю. Аллегория с супом и тарелкой нам представляется неудачной, поскольку тарелка не является «носителем» супа; такую роль играет жидкость, тарелка лишь ограничивает пространство данной жидкости. Это, во-первых. Во-вторых, сведение сущности документа к синтезу информации и материального носителя не раскрывает его природы как институционального информационного объекта. Отсюда в свою очередь вытекает надуманность противопоставления инфор-

¹ Речь идет о концепциях социальной информатики А.В. Соколова и А.Д. Урсула.

мации и ее носителя, и как следствие – самой информационной концепции В.В. Скворцова.

В современном виде представления об информационной функции библиотек сложились в исследованиях М.И. Акилиной, Р.С. Гиляревского, М.Я. Дворкиной, Н.С. Карташова, Т.Ф. Каратыгина, О.Л. Лаврик, В.В. Скворцова, Н.И. Тюлиной, О.С. Чубарьяна, И.Г. Юдиной. Анализируя соотношение информационной функции библиотек с другими библиотечными функциями Н.И. Тюлина отметила, что информационная функция выходит из общего перечня библиотечных функций, что она изначально присуща библиотеке как социальному институту и что библиотеки являются родоначальниками информационного процесса. Информационная функция, по ее мнению, является основополагающей по отношению к остальным социальным функциям библиотек – образовательной, воспитательной, досуговой и другим [26]. Такое понимание роли и значения информационной функции нашло отражение в определении библиотеки в первую очередь как информационного учреждения.

Промежуточные итоги изучения информационной функции библиотек были подведены учеными из ГПНТБ СО РАН. В современном библиотековедении, отмечают они, устоялась точка зрения, что библиотека удовлетворяет общественно значимую потребность, связанную с получением членами общества документов, информации и знаний. Потребность и соответствующая ей библиотечная функция трактуются как информационная и ее содержание связывается с удовлетворением потребностей пользователей на основе разных видов информационной деятельности с использованием информационно-коммуникационных технологий, сутью которых является интеллектуальная обработка и представление информации [3, с. 100]. Увязывание информационной функции библиотек с информатизацией библиотечных процессов позволяет нам рассматривать данную трактовку как технологическую.

Вместе с тем далеко не все ученые библиотековеды поддержали «информатизацию» библиотечной теории и практики. К проблеме сущности информации в конце 1990-х гг. обратился Ю.Н. Столяров [27]. Анализ подготовленной им монографии показывает, что ее автор подошел к определению информации с точки зрения теории отражения и атрибутивной концепции информации, связывающей информацию с процессом отражения, что позволяет подвести теоретическую базу под объяснение информационного природы любого материального объекта как источника информации. Из этого, по его мнению, следует, что информация может существовать только во взаимодействии с материальными объектами. Это, во-первых. Во-вторых, любой материальный объект, служащий источником информации, что-либо доказывающий или о чем-нибудь свидетельствующий, является документом. Отталкиваясь от этих рассуждений Ю.Н. Столяров отмечает, что приравнивание документированной информации к документу делает терминологию избыточной и достаточно ограничиться последним. Таким образом, им, по сути, ставится равенство между понятиями информация и документ,

при этом приоритет отдается последнему. Развивая эти представления далее, ученый отмечает, что введение двух равнозначных словосочетаний делает некорректными последующие такие основные термины, как «информационные ресурсы», «информационные процессы» и «информационные системы» [27, с. 8]. Ю.Н. Столяров старается показать читателю сложность и запутанность информационного подхода, тем самым подводя его к мысли, что в библиотековедении лучше воздержаться от использования этого подхода, заменив его разрабатываемым им документным подходом. В дальнейшем Ю.Н. Столяров пишет, что термины «информационное обслуживание», «информационно-поисковая система», «аналитико-синтетическая переработка информации» и многие другие пришли в библиотековедение из информатики [28]. Он выступил против понятия «информационные ресурсы», предлагая заменить его «документным ресурсом» [29, с. 20–23; 30]. В недавней статье ученый ужесточил критику информационного подхода и составляющую его терминологию. Он считает, что информацию нельзя ни собирать, ни перерабатывать, ни сохранять, ни передать, но все это можно делать с документом, в котором эта информация (на самом деле – знаки вместе с носителем, воспринимающий субъект превращает в информацию в своём сознании) заключена, и далее – что неприемлемыми являются выражения типа: «информационно-поисковая система», «информационный ресурс», «сбор, хранение и распространения информации», так как собирают, хранят и распространяют документы, а не информацию [31 с. 21, 23]. В связи с этим не понятно, например, каким образом происходит процесс высказывания и имеет ли место в этом случае передача информации, организованная нашим сознанием в виде сообщения или идет передача документов? В другой статье Юрий Николаевич объясняет разработку И.Г. Юдиной и О.Л. Лаврик [32] представлений об информационной функции библиотек стремлением к удовлетворению информационного тщеславия, к тому же ложно понятого [1, с. 4]. Ю.Н. Столяров предлагает отказаться от современной информационной терминологии, вернувшись к терминологии стандартов ГОСТ 7.26-80 «Библиотечное дело. Термины и определения» и ГОСТ 7.0.-84 «Библиографическая деятельность. Основные термины и определения». Он пишет, что эти стандарты надо взять за основу, обновив с учетом появившихся новых реалий и тенденций развития библиотечного дела и библиографии [1, с. 4]. Если учесть тот факт, что в данных стандартах библиотека была названа информационным учреждением [33], а библиографическая деятельность – областью информационной деятельности по удовлетворению потребностей в библиографической информации [34], то не вполне понятно, к чему конкретно Юрий Николаевич предлагает вернуться.

После отказа от разработки концепции социальной информатики А.В. Соколов развернул критику информационного подхода сначала в библиографоведении, а затем в библиотековедении. В юбилейной статье, посвященной О.П. Коршунову [35], А.В. Соколов излагает обновленное видение места и роли

информационного подхода в библиографоведческих изысканиях. Он объявляет информационную реальность чистым вымыслом и пишет, что ни одна серьезная парадигма библиографии ей не может соответствовать. Информационные потребности, за которыми скрываются либо эстетические, либо этические потребности, либо потребности в коммуникационных контактах индивидов, социальных групп, исторических сообществ объявлены «лжесущностью». Существующая логическая схема библиографической деятельности в виде «информационная потребность – документальная потребность – библиографическая потребность», по его мнению, ничего не объясняет до тех пор, пока вместо абстрактной «информационной потребности» не будет поставлена конкретная познавательная, коммуникационная или иная потребность. Мнимой величиной А.В. Соколов объявляет информационную деятельность, отождествляемую с фактически познавательной и коммуникационной деятельностью, являющейся лишним звеном в классификационной схеме человеческой деятельности. В конце статьи, А.В. Соколов заявляет, о том, что теоретическая конструкция О.П. Коршунова сослужила свою службу в аннигиляции понятия «библиографическая информация», т.е. в ее превращении в нечто иное.

Разбираясь в причинах, породивших столь одиозный методологический казус, О.П. Коршунов приходит к неутешительному выводу: «Все атаки на понятие информации были предприняты лишь ради того, чтобы на место информационного подхода поставить коммуникационный» [10, с. 31]. При этом он не отрицает возможности построения теорий социальных коммуникаций, в том числе и библиографических, а лишь выступает против того, чтобы это делать путем аннигиляции одной теории и замены ее другой. Таким образом, Олег Павлович связывает данный казус с конъюнктурным отношением к науке как таковой. Впоследствии, когда А.В. Соколов очередной раз изменил свое мнение о природе информации, он поменял свои прежние оценки, заявив, что из наших библиографоведов только Олег Павлович не отмахнулся от проблемы модуса существования информации [36]. Это подтверждает правильность мнения О.П. Коршунова.

В 2000-х гг. А.В. Соколов снижает интенсивность своей критики атрибутистской концепции информации, концентрируя внимание вокруг понятий «информационная потребность» и «информационная функция». Анализируя сложившиеся в библиотечно-библиографической науке представления об информационной потребности как необходимости в получении информации, он считает, что данная трактовка тавтологична и что суть потребностей как библиотечно-библиографической категории до сих пор не разгадана [37]. Действительно, понятие «информационная потребность» до сих пор определяется преимущественно через описание информационного запроса (интереса) и его удовлетворение. Потребности подразделяются на реальные и мнимые, индивидуальные и свойственные всем людям (общественные) и т.д. В государственном стандарте информационная потребность определяется как «характеристики предметной области, значения которых необходимы

для выполнения поставленной задачи в практической деятельности» [38]. Метафорически информационные потребности – это знания о незнании. Рассматривая информационные потребности в контексте разрабатываемой им философией информации, А.В. Соколов полагает, что, во-первых, понятие «информационная потребность» является абстрактным, обозначающим потребность в информационной деятельности, устраняющей дисбаланс информационной сферы субъекта, что оно обобщающее по отношению к конкретным понятиям, обозначающим коммуникационные, познавательные, мнемические (связанные с памятью), регуляционные и эстетические потребности; во-вторых, библиотеки удовлетворяют информационные потребности путем выполнения запросов; в-третьих, что члены общества не имеют адекватного представления о собственных конкретных потребностях. Резюмируя можно отметить, что А.В. Соколов рассматривает данное понятие как обобщающее и потому абстрактное. С этим сложно поспорить. Другое дело, что часто его пытаются использовать в прикладных исследованиях, не расшифровывая его значение.

В методологическом плане мы хотели бы обратить внимание на следующий аспект. В экономической теории понятие потребности трактуется как необходимость в чем-либо для поддержания и развития жизнедеятельности личности и общества в целом. Общественные потребности характеризуются как безграничные и полностью не удовлетворимые, тогда как ресурсы для их удовлетворения конечны и ограничены. Имеется даже экономический закон «возвышения потребностей», под которым понимается процесс совершенствования форм и методов удовлетворения уже существующих и вновь сформированных потребностей. В итоге перед нами дихотомия потребности – ресурсы. Мы полагаем, что именно в этом направлении целесообразно разворачивать исследования информационных потребностей в библиотечно-библиографической науке и при рассмотрении библиотеки как социального института документы и информация приобретают в ней характер соответствующих ресурсов.

К понятию «информационная функция» А.В. Соколов подходит крайне неопределенно [39, 40]. Констатируя наличие прикладного, технологического и сущностного понимания информационной функции библиотек, он трактует их в качестве самостоятельных функций и считает, что их реализация направлена на: а) информатизацию (внедрению новых технологий); б) переосмысление сущности библиотеки (овладение информационным мировоззрением) и в) дифференцированное информационно-библиографическое обслуживание отдельных категорий читателей (вклад в общественное производство) [39, с. 27]. Допустим, спрашивает он, все эти задачи будут решены и все информационные функции будут осуществляться в полной мере, приобретет ли в этом случае библиотечная профессия достойное место в российском обществе, выйдут ли библиотеки из хронического кризиса, будут ли библиотечные ресурсы в полной мере использованы наступающим информационным обществом? [39, с. 27]. Таким образом, по нашему мне-

нию, читатель подводится к идее бесполезности выделения информационной функции, сводя ее содержание к технологическому пониманию как к информатизации (компьютеризация, интернетизация).

Понятие «информационная функция» достаточно сложное с методологической точки зрения по следующим причинам. К первой из них мы относим многозначность самого термина «информационная деятельность», в котором его обыденное толкование и научное не совпадают. В обыденном контексте понимание информационной деятельности и «вытекающей» из нее функции трактуется как информирование о сведениях, достижениях, документах и т.д. в ходе библиотечного обслуживания. Ближе к обыденному пониманию выступает деятельность по информатизации библиотечных процессов. Когда же мы обращаемся к информационной функции в рамках теоретических изысканий, то мы должны опираться на соответствующие представления, вытекающие из них. Так, например, если речь идет о библиотеке как социальном институте, о социальных функциях библиотеки, то информационная функция в чистом виде не выделяется, поскольку она входит в состав других социальных функций. Иными словами, информационная функция является внутренней, реализуемой не напрямую, а опосредованно в процессе осуществления внешних по отношению к библиотеке социальных функций. Одной из первых, задолго до нас, такое понимание информационной функции в научной печати высказала Т.Ф. Каратыгина (1937–2016). Описывая социальную функцию советских библиотек как помощь науке и производству, она, в начале 1980-х гг., отмечает, что данную функцию называют еще информационной. Это, заявляет Татьяна Федоровна не вполне удачно, поскольку не отражает существо содержания данной функции, «ибо методы информирования применяются при осуществлении других социальных функций» [41, с. 28–29]. Таким образом, мы имеем дело с информационной составляющей культурной (культурно-воспитательной, культурно-досуговой) и просветительской функций, а также с функцией содействия научной и научно-производственной деятельности. Исходя из этого, обращаясь к информационной функции библиотеки, следует каждый раз уточнять контекст.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный нами анализ развития информационного подхода в библиотечно-библиографических дисциплинах и его современного состояния свидетельствует об определенном противоречии: с одной стороны, большинство ученых признает важность и значимость информационного подхода, с другой – исследования по адаптации его положений применительно к библиотечно-библиографической проблематике отсутствуют. Именно это, на наш взгляд, порождает спекуляции по поводу приемлемости информационного подхода и его терминологии в библиотековедении.

Мы полагаем, что при отсутствии общепринятого понимания информации как фундаментальной категории современной науки, разработка методологических положений теории информации должна носить

локальный характер, ориентированный на решение узкопрофессиональных задач. Успешность решения таких задач станет своеобразным сигналом для расширения методологических представлений об информации и вывода их на более высокий уровень обобщения. Это, во-первых. Во-вторых, библиотечно-библиографическая наука носит прикладной характер. Ее теоретическая часть направлена на раскрытие социально-информационной природы библиотечного дела и библиографии. Из этого следует, что в ней отсутствуют теоретико-методологические условия для исследования таких общих вопросов, как природа информации, ее структура и эволюция и т.п. Поэтому считаем целесообразным проводить подобные исследования в рамках философии, где имеются для этого соответствующие условия, важнейшие из которых – это подготовленное для обсуждения научное сообщество.

Критику информационного подхода и его терминологии Ю.Н. Столяровым мы рассматриваем как одну из форм продвижения разрабатываемых им документологических представлений [42, 43]. Его апелляция к соблюдению языковых норм при создании библиотечной терминологии, о чем он писал в одной из своих статей [1], не более, чем методологический прием для того, чтобы еще раз напомнить научному сообществу о своих изысканиях.

В качестве связующей научной дисциплины, соединяющей «высокую» теорию информации с ее миром мысленных идеальных конструктов («чистых сущностей») и библиотечно-библиографическими эмпирическими дисциплинами, оперирующими наблюдаемыми и реальными объектами, может стать социальная информатика. Ее содержание могли бы составить так называемые интерпретационные предложения, являющиеся ни чисто теоретическими, ни чисто эмпирическими, а чем-то промежуточным между ними, включая в свой состав как эмпирические, так и теоретические термины. Интерпретационное знание, по мнению С.А. Лебедева – это когнитивное образование кентаврского типа, выступающее относительно самостоятельным элементом в пространстве научного знания; оно при этом не имеет собственной онтологии, являясь лишь инструментальным посредником между теорией и эмпирией [44, с. 69].

Таковой, на наш взгляд, могла бы стать, условно назовем её, «библиотечно-библиографическая социальная информатика», находящаяся на стыке между социальной информатикой, библиотековедением и библиографоведением. Для этого мы предлагаем провести ревизию накопленного за предыдущие десятилетия опыта использования информационного подхода в библиотечно-библиографической науке, выделив те положения, которые продемонстрировали свою эффективность, после чего продолжить их разработку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Столяров Ю.Н. О соблюдении языковых норм при создании библиотечной терминологии // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 2021. – № 6. – С. 1–14; Stolyarov Yu. N. On the Observance of the Norms of Language to Create a Library

- Terminology // Scientific and Technical Information Processing. – 2021. – Vol. 48, № 2. – P. 120-132.
2. Карасик Э. Информационное обслуживание учреждений и предприятий (Организация специальных библиотек) / под ред. Л.А. Бызовой, А.Д. Эйхенгольца. – Москва : Техника управления, 1929. – 88 с.
 3. Юдина И.Г., Лаврик О.Л. Информационная функция в теории и практике библиотечного дела. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2010. – 227 с.
 4. Соколов А.В., Манкевич А.И. О преподавании курса «научная информация» в Ленинградском государственном институте культуры им. Н.К. Крупской // Советская библиография. – 1968. – № 5. – С. 4–24.
 5. Соколов А.В. Информатика в перспективе (К вопросу о классификации видов информации и система наук коммуникационного цикла) // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1971. – № 10. – С. 5–9.
 6. Соколов А.В., Манкевич А.И., Колтыпина Т.Н. Взаимосвязь информатики и библиотечно-библиографических дисциплин // Научные и технические библиотеки. – 1974. – № 4. – С. 28–36.
 7. Михайлов А. И., Черный А.И., Гиляревский Р.С. Основы информатики. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Наука, 1968. – 756 с.
 8. Соколов А.В. Что такое социальная информатика? // Советская библиография. – 1989. – №1. – С. 12–18.
 9. Коршунов О.П. Библиографоведение: Общий курс: учебник. – Москва : Книжная палата, 1990. – 232 с.
 10. Коршунов О.П. Информация: фикция или реальность? // Библиография. – 1996. – №4. – С. 30–34.
 11. Фонов Г.П. За взаимодействие библиотечной, библиографической и научно-информационной деятельности, за координацию теоретической работы // Советская библиография. – 1975. – № 1(149). – С. 38–51.
 12. Беспалова Э.К. Миф и реальность // Избранное (статьи за 20 лет). Т.1. Методология и теория библиографии. – Москва : Изд-во МГУ культуры, 1994. – С. 240–263.
 13. Афанасьев В.Г. Социальная информация / В.Г. Афанасьев, А.Д. Урсул // Вопросы философии. – 1974. – № 10. – С. 61–74.
 14. Афанасьев В.Г., Урсул А.Д. Об эффективности социального управления // Вопросы философии. – 1982. – № 7. – С. 57–69.
 15. Урсул А.Д. Социальная информатика: две концепции развития // Научно-техническая информация. Сер. 1. – 1990. – № 1. – С. 2–8.
 16. Урсул А.Д. Социальная информатика – новая область исследования и партийного образования // Кадры партии. – 1989. – № 3. – С. 49–60.
 17. Урсул А.Д. Становление социальной информатики // Международный форум по информации и документации. – 1989. – Т. 14. № 4. – С. 10–15.
 18. Соколов А.В. Информация: Феномен? Функция? Фикция? // Философия науки. 1990. – № 9. – С. 13–22.
 19. Соколов А.В. На путях познания документосферы. Часть 2. Второе приближение к сущности документа: информационный подход // Научные и технические библиотеки. – 2016. – № 6. – С. 3–22.
 20. Блюменау Д.И. Информация и информационный сервис. – Ленинград : Наука, 1989. – 192 с.
 21. Урсул А.Д. Информатизация общества: Введение в социальную информатику: учеб. пособ. – Москва : Академия общественных наук при ЦК КПСС, 1990. – 191 с.
 22. Колин К.К. фундаментальные основы информатики: социальная информатика : учеб. пособие. – Москва : Изд-во «Академический проект», 2000. – 350 с.
 23. Соколов А.В. Философия информации : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2010. – 368 с.
 24. Карташов Н.С. К вопросу о сущности и функциях научной библиотеки // Библиотеки СССР. – 1968. – Вып. 39. – С. 3–19.
 25. Скворцов В.В. Библиотекосведение: Сущность, методология, статус: дис. ... д-ра пед. наук : 05.25.03. – Москва, 1997. – 422 с.
 26. Тюлина Н.И. Информационная функция библиотек // Библиотекосведение. – 1993. – № 1. – С. 3–11.
 27. Столяров Ю.Н. Сущность информации / Межд. Академия информатизации. Отд. «Библиотекосведение»; Гос. публ. научно-техн. б-ка России. – Москва : ГПНТБ России, 2000. – 106 с.
 28. Столяров Ю.Н. Библиотекосведение в опасности // Библиотечное дело – 2003: гуманитарные и технологические аспекты : сб. материалов Восьмой международной конференции (Москва, 24–25 апр. 2003 г.). – Москва : МГУКИ, 2003. – С. 27–29.
 29. Столяров Ю.Н. Документный ресурс: учеб. пособ. для студентов высших учебных заведений. – Москва : Либерея – Бибинформ, 2010. – 224 с.
 30. Столяров Ю.Н. Несостоятельность понятия «информационный ресурс» // Научные и технические библиотеки. – 2016. – № 3. – С. 52–56.
 31. Столяров Ю.Н. Исходные постулаты документологии – всеобщей теории документа // Научные и технические библиотеки. – 2021. – № 2. – С. 15–40.
 32. Юдина И.Г., Лаврик О.Л. Информационная функция библиотек: теория и современная практика // Библиосфера. – 2008. – № 4. – С. 37–42.
 33. ГОСТ 7.26–80 Библиотечное дело. Термины и определения. – Москва : Изд-во стандартов, 1981. – 13 с
 34. ГОСТ 7.0–84 Библиографическая деятельность. Основные термины и определения. – Москва : Изд-во стандартов, 1998. – 24 с
 35. Соколов А.В. Прогулки с Пушкинским посохом по Коршуновским местам: К 70-летию О. П. Коршунова //Библиография. – 1996. – № 1. – С. 63–72.

36. Соколов А.В. Парадигма О. П. Коршунова. Статья четвёртая. О. П. Коршунов и собирательная документоцентристская концепция библиографии // Научные и технические библиотеки. – 2014. – № 7. – С. 5–13.
37. Соколов А.В. Что есть информационная потребность // Труды Санкт-Петербургского ун-та культуры и искусств. – 2013. – Т. 197. – С. 7–18.
38. ГОСТ 7.73–96 Поиск и распространение информации. – Минск : Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации, 1996. – 15 с.
39. Соколов А.В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек // Библиотековедение. – 2013. – № 3. – С. 24–30.
40. Соколов А.В. Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек // Библиотековедение. – 2013. – № 4. – С. 25–28.
41. Каратыгина Т.Ф. Становление социальных функций технических библиотек // Советское библиотековедение. – 1981. – №1. – С. 26–40.
42. Плешкевич Е.А. Учебное пособие по документологии как всеобщей теории документа // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2014. – № 6. – С. 36–41.
43. Плешкевич Е.А. Документоцентризм как теоретико-методологическая проблема и пути ее решения // Научно-техническая информация. Сер.1. – 2015. – № 11. – С.1–7.
44. Лебедев С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии. – 2010. – № 1. С. 62–75.

Материал поступил в редакцию 17.03.22.

Сведения об авторе

ПЛЕШКЕВИЧ Евгений Александрович – доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск.
e-mail: eap1966eap@mail.ru